

Воспользовавшись тем, что Ян Е на мгновение отвлёкся, Цзин Хуайюй незаметно отступил к левому книжному шкафу. Нашупав скрытый рычажок, он тихо нажал на него. С едва слышным щелчком панель шкафа отодвинулась, открывая потайной ход, ведущий куда-то вниз. Помощник министра уже готов был шмыгнуть в темноту, но внезапно чья-то железная рука вцепилась ему в грудь и одним резким рывком вышвырнула обратно в комнату.

— И ты думал обмануть меня этой дешёвой уловкой? — раздался над самым его ухом ледяной, зловещий голос Ян Е. — За кого ты держишь этого князя?

В этот момент снаружи поднялся невообразимый шум. Цзин Хуайюй с робкой надеждой скосил глаза на окно, но там лишь мелькали смутные силуэты да раздавались непрекращающиеся крики боли. Лин Шу, охранявший вход, безжалостно раскидывал каждого, кто пытался прорваться на выручку хозяину усадьбы. Двор уже был усеян стонущими телами. Отбивая очередную атаку, Лин Шу уловил доносящийся издалека, едва различимый топот копыт. Всадников было много, но скакали они ровным, слаженным строем — так передвигаются только хорошо обученные войска.

— Ян Е, не тяни! — резко крикнул Лин Шу, на мгновение обернувшись к дверям зала. — Сюда идут!

Ян Е всё понял без лишних слов. Зловеще усмехнувшись бледнеющему Цзин Хуайюю, он с силой швырнул его в сторону стены. В то же мгновение в его руке взметнулось копьё. Подобно падающей звезде, оно со свистом рассекло воздух и насквозь пробило грудь помощника министра, намертво пригвоздив его к деревянным панелям высоко над полом. Но на этом князь не остановился. С невероятной скоростью он швырнул ещё несколько копий, пронзив запястья и лодыжки бьющегося в агонии чиновника.

— Это тебе за Юньци! — яростно выплёвывал Ян Е с каждым ударом. — И ни за кого больше! Если считаешь себя безвинно пострадавшим — жалуйся самому Яньло-вану в его Дворце Яньло-вана, пусть шлёт за мной своих чертей! Всё равно я в прошлый раз в загробном царстве не догулял, так что с радостью повторю!

Пригвождённое к стене тело Цзин Хуайюя судорожно забилося, изгибаясь от невыносимой муки. Он широко распахнул остекленевшие глаза, хрипло, прерывисто вздохнул пару раз и затих, испустив дух.

Лин Шу уже взлетел на крышу. Бросив взгляд вдаль, он увидел мчащийся со стороны императорского дворца кавалерийский отряд. Заметив, что Ян Е выскочил во двор, судья привычным движением убрал меч за спину. Несмотря на только что закончившуюся схватку, он держался с безупречным изяществом и ледяным спокойствием.

— Кончено? — коротко спросил Лин Шу.

Ян Е согласно кивнул.

— Тогда уходим!

Ян Е тоже заметил приближающуюся лавину всадников. В самом центре отряда мелькнуло что-то ярко-жёлтое, императорское...

«Наверное, это лишь иллюзия... Да, точно, всего лишь игра воображения», — пронеслась в его голове паническая мысль.

Он побоялся всматриваться. Выхватив копьё из рук растерянного стражника, князь одним широким взмахом раскидал преградивших путь бойцов и бросился вслед за Лин Шу к конюшням на заднем дворе. Оседлав первых попавшихся коней, они вихрем вылетели со двора и устремились к южным воротам столицы.

Створки ворот были наглухо заперты. Начальник ворот, завидев двух безумных всадников, только открыл рот, чтобы приказать им остановиться, как к его горлу одновременно прижались остриё копья и холодное лезвие меча.

— Ворота! Живо! — приказал Ян Е.

В глухой предрассветный час южные ворота Лояна со скрипом приоткрылись. Стоило образоваться щели, в которую мог протиснуться конь, как Лин Шу и Ян Е один за другим рванули поводья и растворились в ночной темноте. Оставшийся у ворот начальник дрожал от липкого страха. Спешно заперев створки и засов, он оглянулся на затихшую улицу, но в этот момент из глубины кварталов донёсся оглушительный грохот копыт. К воротам приближалась целая армия. Обернувшись, несчастный страж помертвел от ужаса. Колени его подогнулись, и он мешком рухнул на камни мостовой, не в силах вымолвить ни слова.

Ян Си соскочил с коня и стремительно подошёл к нему.

— Где они? — сухо спросил император.

Воин лишь мелко трясся, не в силах разлепить губы. Вид этого жалкого ничтожества сначала взбесил Ян Си, но, вовремя сообразив, что Ян Е ни перед чем бы не остановился ради побега, правитель лишь поморщился и бросил сопровождающим:

— Переведите его на другую службу. Для охраны ворот он непригоден.

Стоявшие позади чиновники закивали, заискивающе кланяясь, после чего один из них напустился на несчастного начальника ворот.

— Чего застыл, олух?! — прикрикнул он. — Немедленно отпирай ворота!

Под тяжёлый скрип открывающихся створок Ян Си замер посреди дороги с мрачным лицом. Придворные и гвардейцы застыли в почтительном страхе, не смея дышать. Спустя бесконечно долгую минуту молодой император тихо вздохнул.

— Оставьте...

Повернувшись, он медленно поднялся на надвратную башню. На востоке занималась заря. В утренних сумерках начали проступать очертания деревьев и крестьянских усадеб за пределами городских стен. Ян Си вгляделся в туманную даль. Там, у самого горизонта, две одинокие фигуры на конях мчались бок о бок, уносясь всё дальше и дальше от Лояна. Он положил руку на холодный каменный зубец стены, провожая взглядом того, кто был ему дорог. Сердце сжималось от тоски и бессилия. В этом мире нельзя получить всё сразу: обретая одно, неизменно теряешь другое. Жизнь состоит из вечных встреч и расставаний, и никому не дано удержать безупречное счастье. На долю секунды ему показалось, что эта огромная империя вовсе не стоит принесённых жертв... Но бывшее растаяло, как предрассветный дым. Ничего уже не вернуть назад.

Ян Си вновь тихо вздохнул, и этот полный горечи вздох растворился в густом утреннем тумане, не оставив и следа.

Мчавшийся во весь опор Ян Е вдруг почувствовал, как чья-то невидимая нить тянется к нему из Лояна, удерживая и не отпуская. Он обещал себе не оглядываться, но всё же не выдержал. Обернувшись, он увидел на вершине надвратной башни одинокое жёлтое пятно императорского одеяния. В этой далёкой фигуре сквозило такое невыразимое одиночество, что у князя сжалось сердце. Рука сама собой натянула поводья, заставив коня замедлить шаг. В душе поднялась волна такой горькой тоски, что перехватило дыхание.

— Что такое? — Лин Шу придержал коня и скосил на него глаза. — Передумал уходить?

Ян Е колебался мгновение, затем соскочил на землю. Повернувшись лицом к Лояну, он опустился на колени и трижды отвесил императору низкий, полный сыновней почтительности поклон. Лин Шу хотел было поторопить его, но, заметив на ресницах князя блеснувшие слёзы, промолчал. Он лишь терпеливо ждал в седле, не мешая другу прощаться с прошлой жизнью. Горные вершины вдали окрасились первыми лучами солнца, над равниной пронёсся прохладный ветерок, а воды реки Ло величаво неслись на восток. Закончив обряд, Ян Е медленно поднялся с колен.

— Едем, — тихо произнёс он.

Лин Шу мягко улыбнулся и первым пустил коня вскачь. Ян Е поспешил следом. Они уносились всё дальше на юг, оставляя позади одинокого правителя, которому суждено было в полном безмолвии беречь эту бескрайнюю империю, нести бремя векового одиночества ради мира и процветания великой державы.

Когда Лин Шу вынес крепко спавшего малыша Нинсиня из крестьянского дома у южного подножия горы Лунмэнь, Ян Е заметил под его правой рукой небольшой фарфоровый сосуд молочно-белого цвета.

— А это ещё что? — удивлённо спросил Ян Е.

— Прах Бэйчэнь Цина, — спокойно ответил Лин Шу. — Я велел братьям Ма пробраться в императорские гробницы, выкрасть его тело и предать огню. Он ведь хотел покоем в болотах Юньмэн? Это как раз неподалёку от уезда Ушань.

— Что?! — Ян Е изумлённо округлил глаза. — Вот уж не ожидал! Спасибо тебе... Но как тебе удалось заставить Тройку Ма пойти на такое святотатство? Как ты их уговорил?

— С чего бы мне их уговаривать? — пожал плечами Лин Шу. — Проще пригрозить, что скормлю собакам, если откажутся. Но вообще-то, стоило им узнать, что дело касается праха Бэйчэнь Цина, как они без лишних расспросов закивали и пообещали всё исполнить. Видать, пошли на это от чистого сердца.

— Лин Шу, я возвращаюсь с тобой в посёлок Муюй. Теперь мы всегда будем вместе, — Ян Е вздохнул, укладывая поводья. — Что же до моего царственного брата... В этой жизни я больше ничего не могу для него сделать. Сколько бы обиды ни копилось в моём сердце, я не подниму на него руку. Смерть Цзин Хуайюя была моим последним уроком для него, пусть впредь не слушает коварных льстецов. Все эти шарлатаны, якобы видящие судьбы и говорящие с духами, если у них нет ни совести, ни ума, при дворе способны натворить таких бед, что затмят любого вздорного гуляку вроде меня. Так что заколоть этого мерзавца было благом. К тому же, если бы я не выпустил пар, то точно бы занемог от злости. И кому тогда пришлось бы ухаживать за мной? Тебе!

— Вот ещё, стану я с тобой нянчиться, — фыркнул Лин Шу. — Так что правильно сделал, что прикончил его. Одним дураком меньше — меньше хлопот.

— Ой, беда, Нинсинь проснулся! — засуетился Ян Е. — Малыш, иди-ка к дяде на ручки! Это же твой дядя Сяо Лан, помнишь меня?

Сонный ребёнок недоумённо захлопал глазками. Он не видел Ян Е уже несколько месяцев и успел позабыть его лицо, зато Лин Шу, спасшего его из Чанъяня, помнил прекрасно. Малыш принялся отталкивать тянущиеся к нему ладони князя и с обиженным писком зарылся поглубже в объятия судьбы. Ян Е так и подпрыгнул на месте от досады.

— Да что ж это такое?! Ну и ну! Я же твой любимый дядя! Почему ты к нему липнешь? Он что, красивее меня? Или пахнет от него приятнее? Ах ты паршивец мелкий, глаза у тебя на пятках, что ли?!

— Не шуми, он только глаза продрал, напугаешь ещё, — осадил его Лин Шу. — Забирай урну с

прахом его отца, и по коням. Нам пора.

— Да-да, Лин Шу, нам ещё нужно кое-что обсудить, — заговорил Ян Е, бережно принимая сосуд. — Как приедем в уезд Ушань, сразу присмотрим усадьбу просторнее. Если захочешь и дальше возиться со своим вином, я выстрою для тебя лучшую винокурню в округе — будем сами делать «Изысканные весенние пейзажи». И кабаков откроем побольше. Раньше-то мы могли перебиваться чем придётся, но теперь у нас на руках Нинсинь, мальчишку нельзя стеснять. Что бы он ни захотел, расшибёмся в лепёшку, а достанем!

— Договорились, — буркнул Лин Шу.

— А вот учить его грамоте кто будет? Ты? — продолжал допытываться Ян Е. — Как по мне, затея паршивая. Пишешь-то ты красиво, куда лучше моего, но читать серьёзные книги терпеть не можешь — тебе бы только свои пыльные судебные свитки разглядывать. Так что лучше наймём приличного наставника, так надёжнее.

— Как знаешь.

— Слушай, Лин Шу, а ты помнишь, как мы впервые встретились? — на губах Ян Е заиграла мечтательная улыбка. — Ты меня тогда к дыбе привязал, а я с первого взгляда глаз от тебя оторвать не мог. Правда, тогда мне просто дико хотелось затащить тебя в постель, и ни о чём другом я не думал. Это уже потом в голове начали роиться всякие мысли, и до меня дошло: это ведь любовь с первого взгляда! Понимаешь? Любовь! А ты? Ты-то когда в меня втрескался?

— Какая же ты заноза... — вздохнул Лин Шу. — Ребёнок всё слышит, придержи язык хотя бы при нём, а?

— Да что этот малец смыслит! Ладно, ладно, не дуйся. Давай лучше о его воспитании. Как думаешь, кем он должен меня называть? Может, просто заберём его себе насовсем? Не станем говорить, что у него был другой отец, пусть думает, что я его настоящий папаша, а ты — названный. А, нет, давай лучше скажем, что его родил ты! Так вообще никаких вопросов не возникнет, красота же!

— Пошёл к чёрту.

В июле следующего года, незадолго до годовщины гибели Бэйчэнь Цина, Ян Е оставил маленького Нинсиня под присмотром матушки Се и её родных, а сам арендовал лодку и вместе с Лин Шу отправился почтить память павшего полководца. Ян Е похоронил друга на северо-западе Цзинчжоу, отыскав для могилы уединённое, благодатное место. Окружённый живописными изумрудными холмами и омываемый чистыми речными водами, этот тихий уголок стал достойным пристанищем для оклеветанного и безвинно погибшего героя.

На обратном пути, когда они проходили ущелье Уся, Ян Е долго стоял на палубе, любясь величественными видами. По обе стороны реки высились нескончаемые горные цепи, покрытые сочной зеленью. Двенадцать пиков Ушань устремлялись к небесам, поражая своим грозным и причудливым величием, а над ними плыли клочья молочно-белого тумана, беспрестанно меняя очертания.

День клонился к вечеру, когда небо затянуло тучами и зарядил мелкий, назойливый дождь. Окрестности окутала влажная дымка. С наступлением сумерек туман потемнел, и монотонный шум дождя слился с мерным рокотом речных волн. Где-то на далёком берегу уныло запела флейта, наполняя дикие речные просторы щемящей тоской. Лин Шу несколько раз позвал Ян Е ужинать, но ответа так и не дождался. Выйдя из каюты, он застал князя на носу лодки. Облачённый в бамбуковую шляпу и соломенный плащ, тот сидел в полном одиночестве, уныло глядя на воду.

— Как вспомню о Юньци, — не оборачиваясь, тихо проговорил Ян Е, — так на душе кошки скребут.

— Ты каждый раз, стоит зайти о нём разговору, делаешь такую кислую мину, будто это я его в могилу свёл, — Лин Шу вздохнул и подошёл ближе. — Настроение мне только портишь.

— Лин Шу, ну пощади! — Ян Е вскинулся, прижав руку к груди с самым страдальческим видом. — Перед кем мне ещё душу изливать, если не перед тобой? Мы ведь с Юньци с самых малых лет дружили, делить нам было нечего, а сколько раз друг друга из беды вытаскивали — не сосчитать! Настоящие побратимы были!

— Чудесно, — Лин Шу поморщился от его высокопарных словес и сухо заметил. — Когда ты испустишь дух, я велю похоронить вас в одной могиле, чтобы ничто не мешало вашей великой братской любви.

Ян Е возмущённо вытаращился на него, а затем резко вскочил, набросился на Лин Шу и, крепко обхватив за пояс, увлёк за собой прямо на мокрые доски палубы.

— Ах ты злыдень! — закричал он. — Хоронить меня собрался?! Да мы ещё посмотрим, кто кого переживёт! Уж я точно постараюсь задержаться на этом свете подольше, а то ты меня действительно закопаешь в какой-нибудь глуши!

Лин Шу попытался вырваться, но от его резкого движения лодка опасно покачнулась.

— Пусти немедленно! — рассердился он. — Опрокинемся же!

— Ну и пусть переворачивается! — расплылся в улыбке Ян Е. — В воде даже забавнее будет. Хочешь попробовать?

— И не подумаю! — Лин Шу слабо ткнул его в бок. — Отцепись! Слышишь, отпусти, мне же щекотно! Ян Е, что ты творишь?!

— Кое-что очень важное! — рассмеялся князь, прижимая его сильнее. — И не смей называть меня по имени! Зови по первому имени!

— Нуаньлинь... — выдохнул Лин Шу, прекращая сопротивление. — Пусти... полегче...

Маленькое судно тихо покачивалось у ночного берега. Под навесом из циновок, среди непрекращающегося шёпота дождя, тускло горел одинокий фонарь на корме, а вдали мерцали жёлтые огоньки рыбацких лодок. Речные волны убаюкивали, унося в край хмельных грёз под тихие звуки старинной песни. Пусть веками стоит эта величественная, прекрасная, как свиток живописи, земля... Мне же довольно хранить покой этих туманных вечеров и рассветных облаков, оставаясь рядом с тобой.

<http://bllate.org/book/19546/1998897>